

Ассоциативное исследование этнических гетеростереотипов о русских у носителей хорватского языка

Osmančević, Maja

Undergraduate thesis / Završni rad

2023

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://um.nsk.hr/um:nbn:hr:131:362416>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom](#).

Download date / Datum preuzimanja: **2024-09-02**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti

Završni rad

*Ассоциативное исследование этнических гетеростереотипов о русских у носителей
хорватского языка*

studentica: Maja Osmančević
mentor: dr. sc. Branka Barčot, docentica
ak. god.: 2022./2023.

U Zagrebu, rujan 2023.

Содержание

1. Введение.....	1
2. О понятии стереотип.....	2
3. О месте ассоциативных исследований внутри языкознания и о значении когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.....	5
4. О методологии.....	9
5. Анализ результатов, или Кем являются русские мужчины и женщины в хорватской языковой картине мира?.....	15
5.1. Вербальный этнокультурный стереотип о русской женщине у носителей хорватского языка.....	15
5.2. Вербальный этнокультурный стереотип о русском мужчине у носителей хорватского языка.....	16
6. Выводы.....	18
Список литературы.....	19
Sadržaj.....	21
Приложение 1.....	22
Приложение 2.....	34

1. Введение

Когнитивная лингвистика и исследования близких наук уже почти 30 лет поддерживают гипотезу о том, что двуязычные люди меняют свой характер в зависимости от того, каким языком пользуются в моменте речи (см. Dylman i Zakrisson 2023; Peressotti, Lorenzoni i Miozzo 2023; Fernández-Sanz, Romero-Rivas i Rodriguez-Cuadrado 2023). Поэтому возможно с уверенностью эмпирических доказательств установить, что взаимосвязь языка и культуры не только теоретическое положение гипотезы Сепира—Уорфа (см. Опарин 2009), а и факт, который со временем всё больше и лучше исследуется. Настоящая бакалаврская работа входит в территорию стыка языка, культуры и человеческого познания, так как мы занимаемся воплощёнными в хорватский язык этническими гетеростереотипами о русских мужчинах и женщинах.

В нашей работе стереотипы изучаются с теоретической точки зрения лингвокультурологии, более конкретно, с помощью методологии ассоциативных исследований. Цель работы, с одной стороны, определить какие ассоциации находятся в ядре стереотипа о русских у носителей хорватского языка, а с другой стороны, также утвердить, приводит ли гендерное определение слов-стимулов (*Rus, Ruskinja*) к разнице содержания этнокультурного стереотипа.

Работа состоит из следующих частей: введение; теоретическая часть о понятии *стереотип*; о месте ассоциативных исследований внутри языкознания и о значении когнитивной лингвистики и лингвокультурологии; о методологии; анализ результатов и выводы. Вторая глава уточняет историю понятия стереотип, его современное значение, какие виды стереотипов существуют, и также важность исследования стереотипов.

2. О понятии *стереотип*

В современном обществе понятие *стереотип* принято использовать для обозначения совокупности упрощенных и обобщенных убеждений и представлений о какой-либо группе людей, но не всегда это было так. Раньше в истории, слово *стереотип* обозначало шаблон, т.е. часть печатного устройства, употребляемую в процессе печати книг. Современное значение слова учредил журналист Уолтер Липпман в своей книге *Общественное мнение* в 1922 году (Nikitina 2017: 2). Липпман в книге занимался человеческой тенденцией воспринимать общественную действительность через линзу конвенций нашей собственной культуры (там же). Сегодня стереотипы изучаются в рамках разных наук, как психология, социология, социолингвистика, имагология, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др..

Содержание стереотипов может относиться к самым разным группам с разными определяющими для членства характеристиками (напр. этничность, национальность, гендер, сексуальная ориентация, политические убеждения и т.д.), или их содержание даже может относиться к нечеловеческим субъектам (напр. стереотипы о географических регионах). Лариса Никитина иллюстрирует разницу между стереотипами о странах и стереотипами о нациях, уточняя, что первые представляют собой «ментальные картинки об иностранных государствах, которые спонтанно попадают в голову» (Nikitina 2017: 1; автор текста является переводчиком приведенных цитат - М.О.), в то время как последние представляют «широко принятые убеждения об „отличительных характеристиках“ других наций» (там же). В этой работе мы занимаемся именно стереотипами об этносе¹, т.е. о русских, хотя стереотипы о стране несомненно влияют на представления о людях, живущих в этой стране. Это (будет) видно и в результатах нашего исследования.

Этнические стереотипы включают в себя позитивные или негативные убеждения о типичных представителях определённой этнической группы, их статусе, обществе и культурных нормах (Skoko 2010: 62). Когда эти убеждения относятся к представителям

¹На этом месте надо подчеркнуть, что узкое направление только на этнос (вместо больше инклюзивного анализа, который включал бы всех людей, живущих в Российской Федерации, или других людей, которые одним или другим способом чувствуют себя частью российского сообщества) частью произошло из действительности хорватского языка, частью из самих результатов исследования. Дело в том, что в отличие от русского языка, который имеет отдельные слова для описания членов русского народа (*русские*) и других граждан Российской Федерации (*россияне*), в хорватском языке не существуют соответствующие лексемы, которые перенесли бы эту разницу. Вместо того, в одном слове (*Rusi*) подразумеваются обе эти категории людей, в результате чего, как мы увидим и в результатах исследования, в хорватской языковой картине мира теряется сложность и богатство российского населения.

собственной группы, тогда речь идёт об автостереотипах, а когда они относятся к представителям других групп, речь идёт о гетеростереотипах (там же).

Многие исследования показывают, что стереотипы обладают крепкостью и устойчивостью во времени (см. Realo i sur. 2009: 231) и это опасно, ввиду двух взаимосвязанных фактов. Во-первых, убеждения об этнических и национальных стереотипах в общем не совпадают с суммарными сведениями о действительных чертах личности людей, описываемых стереотипом (там же: 230), а во-вторых, человеческое познание функционирует таким способом, что новая информация всегда адаптируется старой, т.е. уже существующей системе категорий (Buljubašić 2010: 254). Следовательно, если культурное представление любого народа долго времени было под влиянием каких-либо предрассудков, очень трудно стереть уже существующий неправильный (иногда и вредный) стереотип. Хорошим примером этого механизма оказывается свидетельство режиссёра Эрнста Любича в 1928 году, который по окончании фильма о жизни русского императора Павла I, *Патриот*, сказал: «Россию нам возможно показать только в стиле „russe“ . . . в противном случае оно выглядело бы неубедительно и нетипично. Если мы покажем Питер таким, каким он есть, нероссийская общественность не поверила бы нам и они сказали бы: „Это не Россия, а Франция“ . . . Мы справляемся с воображением и чувствами публики» (Bulgakova 2005: 211).

Опыт Любича и других зарубежных российских режиссёров того времени, которые в зависимости от места жительства были должны адаптировать российскую историю и культуру местным культурным ожиданиям и стереотипам (см. там же) подчёркивает важность исследования стереотипов. Как автор Эни Булюбашич написала, «стереотип не только даёт „информацию“ о том, что оно выставляет, но и отражает менталитет того, который оформляет и поддерживает его» (Buljubašić 2010: 254). Исследование стереотипов облегчает угадать, во-первых, когда искусство, наука и СМИ не раскрывают то, что на самом деле есть, а воссоздают то, что уже оформлено в общественном подсознании, и во-вторых, какие оценочные суждения формируют такие представления. Особенно важно оказывается то, что исследования о стереотипах могут оказаться полезными для мирных усилий и в цели борьбы против дискриминации (см. Petrović 2005; Skoko 2010). Уже в 2008 году Владимир Васильевич Воробьёв написал, что «резко возросшие в наше время культурные, научные и экономические контакты стран и их народов с неизбежностью выдвигают темы „язык и культура“ и „языковая личность“ в число важнейших общезыковедческих и социолингвистических проблем»

(Воробьев 2008: 3), и с тех пор значимость его слов только возросла. Знание о содержании стереотипов может помочь государствам в оформлении лучших законов на плане международных отношений и внутренней политики сплочения.

Для достижения цели нашего исследования, под этническим стереотипом мы вслед за Пипером понимаем следующее определение: «Вербальные этнокультурные стереотипы — это комплексы типичных и самых частотных вербальных ассоциаций в каком-либо языковом коллективе о народах и культурах» (Piper 2005: 12). Эти ассоциации могут иметь свои языковые выражения «в виде слов, словосочетаний, фразеологизмов, пословиц и поговорок, синтаксических конструкций» (Панин 2005: 209), а в итоге они вместе формируют многослойное ассоциативное поле около слова-стимула. Пипер дальше выясняет: «Ассоциативное поле, организованное вокруг какого-либо слова, имеет свой центр (самый частотный, т.е. прототипичный ассоциат), как и более или менее выраженное ядро, в которое входят самые частотные ассоциации (они формируют структуру стереотипа), и периферию. Близость ассоциата к центру ассоциативного поля, или хотя бы структуре стереотипа, обратно пропорциональна лексической дисперсии ассоциата» (Piper 2005: 14). Другими словами: чем ассоциат ближе ядру ассоциативного поля, тем он более стабилен.

В следующем разделе работы мы более подробно позанимаемся развитием ассоциативной теории слова в истории языкознания. Мы выясним, какая разница между когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией при использовании такого подхода к семантике. Это позволит лучше понимание метатеоретических гипотез нашего исследования перед тем, как продолжим с методологией исследования и обработкой результатов исследования.

3. О месте ассоциативных исследований внутри языкознания и о значении когнитивной лингвистики и лингвокультурологии

Ассоциативные исследования вербальных этнокультурных стереотипов стараются представить себе самые глубинные оттенки значения, содержащиеся в каком-либо языке о другой культуре и этносе. Поскольку мы стараемся догадаться с какими образами некоторые этнонимы (напр. *Rus* и *Ruskinja*) связаны, такое обследование содержания стереотипа можно сопоставить семасиологическому анализу слова. Другими словами, ассоциативные исследования рассматривают парадигматические отношения слова, чтобы получить самый большой набор всех семантических отношений, в которые какое-либо понятие входит (ср. Dragićević 2005: 59). Тем способом получается яркое изображение семантического поля выбранного понятия.

Похожий подход к семантике можно найти уже в работах русского филолога-классика, Михаила Михайловича Покровского, который разработал виды смысловых отношений между членами лексико-семантического поля в стиле, который похож классификации ассоциативных отношений между словами (Piper 2005: 10). Более того, свою теорию семантического поля Покровский создал в 1894 году, лет 30 до Йоста Трира (там же).

После Покровского, самый значимый вклад дальнейшему развитию теории ассоциативных отношений между словами внёс Николай Вячеславович Крушевский Казанской лингвистической школы. Его теория слова осталась в тени де Соссюра, который взял его идею об ассоциативных отношениях между словами и переименовал такие отношения в парадигматические (там же). На самом деле Крушевский развивал свою теорию, сообразно которой в лексике каждого языка существуют многочисленные системы, чьи члены (слова) связаны разными ассоциативными связями. Таким способом, Крушевский «в центр такой, новой теории слова . . . положил языковедческую теорию ассоциаций, пользуясь ей как метаязыком описания и объяснения разных аспектов слов и систем, в которых они существуют и функционируют» (Piper 2005: 10).

К сожалению, несмотря на то что вопрос возникновения языковых структур из человеческого восприятия и познавательных структур был очень популярным во второй половине XIX века и первых десятилетиях XX века, в 30-х гг XX века теория значения была в общем сведена на только формальные, логические признаки (см. Albertazzi 2000:

2-3). Только благодаря развитию когнитивной федерации наук, особенно исследованию искусственной интеллигенции, появилось возрождение интереса к механизмам человеческого ума, так как «разрешение массы насущных проблем концептуального анализа видится в последовательном изучении языковых проявлений деятельности человеческого сознания» (Янмурзина 2014: 132). Поэтому, во второй половине XX века, вербальные ассоциации вновь привлекли языковедческое внимание внутри тогда возникающей когнитивной лингвистики (см. там же; Albertazzi 2000; Putnam 1975).

Когнитивную лингвистику можно описать как ветвь языкознания, изучающую «язык как когнитивный механизм» (Янмурзина 2014: 132), и которой цель является «понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира» (там же). Усвоение когнитивной перспективы внутри семантики произошло из потребности понимать интерпретационную деятельность ума, т.е. как человеческий ум способен задумать и представить себе ту же ситуацию или образ из разных перспектив, в то же время дифференцируя значение внутри семантического поля (Albertazzi 2000: 13). Возникновение когнитивной лингвистики было только одно из проявлений новой, антропоцентрической парадигмы внутри лингвистики. Для лингвистики это обозначало переключение с формального анализа языка на анализ человека в языке и языка в человеке (Янмурзина 2014: 132), как и «интерес к проблемам взаимоотношений языка и культуры» (Опарин 2009: 112).

С учетом изложенного ясно, что не только познавательные структуры влияют на строение значения внутри языка, а культура и в ней заложенные ценности также играют большую роль в этом процессе. На том стыке культурологии и лингвистики (см. Коженко 2006) возникла лингвокультурология — гуманитарная дисциплина, изучающая механизмы взаимодействия языка и культуры и «проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» (Опарина 1999: 7). Она стала отдельной отраслью лингвистики в 90-х гг. XX века. В. А. Маслова, С. Г. Воркачѳв, В. В. Колесов и В. В. Воробьѳв только некоторые из известных российских языковедов, занимающихся вопросами лингвокультурологии (Опарин 2009: 112).

Обе дисциплины — лингвокультурология и когнитивная лингвистика — принадлежат научной сфере когнитивных наук, которые объединены совместным интересом к изучению «процессов, связанных с получением и обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозге человека» (Янмурзина 2014: 132). Однако, эти

две дисциплины всё-таки различаются значительно, прежде всего своим определением концепта и, вслед за этим, своим предметом исследования.

Когнитивные лингвисты *концепт* воображают как когнитивный концепт и считают, что «одному концепту соответствует одна языковая единица» (Янмурзина 2014: 133), в то время как предметом исследования лингвокультурологов является *культурный концепт*, который только частично отражается во слове (там же), и чьим центром является не языковая единица, а ценность, отражающая фрагмент специфической языковой картины мира. Иначе говоря, возможно сказать, что важная разница точки зрения когнитивной лингвистики и лингвокультурологии состоит в том, что первая занимается универсальными познавательными процессами и их проявлением в языке, в то время как последняя занимается взаимоотношением этих процессов с культурами специфических, современных языков и изображением их языковой картины мира.

Наше исследование продолжает работу, которую начала Бранка Барчот в своём исследовании хорватской картины мира о других славянах (см. Barčot 2018). Под понятием *языковая картина мира* мы понимаем «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке» (Янмурзина 2014: 133). В языковой картине мира каждого языка отражена культура языкового сообщества, которая накапливается во форме подсознательного знания о стандартах, мифологиях, общих привычках, культурных образцах и стереотипах между прочим, и которая позволяет носителям языка ориентироваться в своём эмпирическом и ментальном опыте, имея в виду общественные, моральные, политические и другие ценности (Barčot 2018: 9-10). Используя методологию ассоциативных исследований на выборке из ста носителей хорватского языка, Барчот проверяла, что является первой ассоциацией на 14 славянских этнонимов. Тем способом исследователь хотела выяснить содержание хорватских стереотипов о других славянах. Её результаты показали, что хорватский стереотип о русских в большой степени связан с образом алкоголика.

«Čak je jedna petina ispitanika dala odgovor *votka / vodka*. Slijede ostali odgovori koji se vezuju uz stereotip o Rusima kao narodu koji puno i često pije: *pijanac, alkoholičar, pijanstvo, pije*. Među odgovorima se našao i frazem *pijan kao Rus*. Na drugom je mjestu po učestalosti odgovora *Putin* kao najpopularniji od svih slavenskih predsjednika (sudeći po broju reakcija hrvatskih ispitanika u provedenom ispitivanju). Hrvati vizualiziraju Ruse kao plavokose, a Ruskinje su na glasu kao zgodne (*plav,*

plavuše, lijepe žene), dok ih percipiraju kroz sloj tzv. novih Rusa iz postsovjetskog razdoblja koji su bogati, umišljeni i rastrošni (*rasipnost, rasipanje, rastrošni, tajkun, umišljen, utjecajni*). Na periferiji ostaje bogata kultura te najveće slavenske zemlje i u ovom je ispitivanju ona svedena na nekoliko precedentnih imena ruskih klasika i/ili njihovih književnih djela: *Dostojevski, Tolstoj, Pikova dama*, te na pokoji suvenir, odnosno tradicionalni ples i jelo: *babuška, šubara, kazačok, boršč.*» (Barčot 2018: 16)

Данные результаты являются основой, с которой мы будем сопоставлять наши результаты, чтобы увидеть, появились ли изменения в ядре хорватского стереотипа о русских за последних 6,5 лет, т.е. с тех пор когда опрос проведён. Кроме того, второй целью настоящего исследования является утвердить, существует ли разница между содержаниями стереотипов о русской женщине и русском мужчине.

4. О методологии

Часть исследования, в которой собирались данные, продолжалась с мая по июль 2023 года. Опрос проведён онлайн в Гугл-Форме. Таким способом наш опрос мог достичь большого количества людей без любых затрат. В опросе участвовало 213 информантов, причём из последнего анализа исключены ответы десятирех информантов — два из-за несерьёзности ответов, а восемь из-за того, что в ответах они либо не привели свой родной язык, либо написали, что это не хорватский. Средний возраст участников опроса — 34 года, а диапазон возраста распространяется с 17 лет по 74 года. Большинство информантов — с высшим образованием, а также большинство информантов женской гендерной идентичности (см. в таблицах 1 и 2 ниже).

ГЕНДЕР	ЧИСЛО ЛЮДЕЙ	ПРОЦЕНТЫ
женский	158	77,83%
мужской	39	19,21%
остальное	6	2,96%
ИТОГ	203	100%

Таблица 1: гендерная структура информантов

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ	ЧИСЛО ЛЮДЕЙ	ПРОЦЕНТЫ
trogodišnje strukovno obrazovanje	2	0,99%
gimnazijsko srednjoškolsko obrazovanje ili četverogodišnje ili petogodišnje strukovno srednjoškolsko obrazovanje	48	23,65%
strukovno specijalističko	2	0,99%

usavršavanje i osposobljavanje		
preddiplomski studij	53	26,1%
diplomski studij	89	43,84%
doktorski studij	9	4,43%
ИТОГ	203	100%

Таблица 2: уровень образования информантов

Опрос состоит из 16 слов-стимулов. Причина тому факт, что мы хотели получить действительно спонтанные ассоциации, хотя мы анализируем ответы на только два стимула (*Rus* и *Ruskinja*)². Наше предположение было, что если бы участники сначала видели стимул *Ruskinja*, а сразу потом *Rus*, они поняли бы, что мы анализируем, и это повлияло бы на их ответы. Кроме того, опрос оформлен таким способом, что каждое слово-стимул было видно информантам только в том моменте, когда они выполняли свои ассоциации на данное слово-стимул. Таким способом мы хотели убедиться в спонтанность полученных ассоциаций.

При входе в опрос все участники были предупреждены, что их участие в исследовании совсем добровольно и анонимно, и что собранные данные будут анализироваться суммарно. Мы выяснили, что в начале мы задаем несколько вопросов, связанных с их социально-демографическими характеристиками (возраст, родной язык, гендер и уровень образования), после чего находится главная часть опроса. Мы объяснили, что их задача будет внимательно прочитать слово на экране и потом в ответе написать все слова, словосочетания и фразеологизмы, которые приходят на ум как реакция на прочитанное слово. Другими словами, информанты давали *непрерывные, свободные ассоциации*, потому что не было ограничений, касающихся числа и формы ассоциаций (ср. Dragičević 2005: 56-57). Мы попросили информантов, чтобы они не задерживались на любом слове больше десяти секунд.

При анализе собранных ассоциаций два критерия являлись ведущими — частота появления и тематическая структура ассоциаций. Причина тому та, что для понимания

² Между отвлекающими стимулами находятся существительные, глаголы и словосочетания, произвольно выбранные из *Ассоциативного словаря сербского языка* (см. Piper, Dragičević i Stefanović 2005).

структуры стереотипа важно не только рассчитать частоту появления всех ассоциаций, но и иметь в виду их значимые связи, чтобы заметить те ассоциации, которые вместе формируют тематические блоки внутри структуры стереотипа (ср. Piper 2005: 14). Таким образом мы не только систематизировали ассоциации по частоте появления, но и по значимым и тематическим связям (ср. Barčot 2018; Piper, Dragičević i Stefanović 2005).

В качестве иллюстрации, квантитативный анализ ассоциаций на слово *Ruskinja* показывает, что в результатах, между прочим, находятся две идиосинкратические ассоциации — *žena koja drži do sebe* и *žena koja drži do sebe (estetski)*. Если бы мы остановились только на квантитативном анализе, мы не видели бы, что эти две ассоциации стоят в прямой связи с одной из главных тем в структуре стереотипа о русской, точнее с восприятием русской женщины как красавицы, которая ухаживает за собой и своей внешностью.

Такой квалитативный подход к анализу ассоциаций, составляющих вербальный этнокультурный стереотип, напоминает кодирование квалитативных данных в исследованиях общественных наук (ср. Saldaña 2009: 13, 139-145). Однако, квалитативный анализ приводит к другим проблемам, более всего возможности неточной интерпретации значения ассоциаций и связей между ассоциациями. Например, между ассоциациями на слово *Rus* находятся ассоциации *rod* и *daleki rod*. В интерпретации появляется проблема, отнести ли эти ассоциации к идиосинкратическим ассоциациям или интерпретировать их в метафорическом значении, которое находится в связи с тематическим блоком *brat Slaven / Slaven / Slav*.

riječ- -podražaj	asocijati koji sačinjavaju jezgru stereotipa	asocijati pridruženi jezgrenim asocijatima	periferni asocijati	ideosinkra- tični asocijati koji pripadaju jasno određenom tematskom bloku	u potpunosti ideosinkra- tični asocijati
-----------------------------	---	---	--------------------------------	---	---

Ruskinja	lijepa (11); lijepa žena (4); ljepotica; lijepa žene; lipa ženska	ljepota (6); zgodna (3); žena koja drži do sebe / žena koja drži do sebe (estetski) (2); lijepo; zgodna žena	visoka (2)	crveni ruž; fileri u usnama; gospođa; lijepi obrazi; manekenka; Natalia Vodianova; profinjena; rasna žena; rumena; rumeni obrazi; štikle; žena s puno botoksa	
----------	--	--	------------	---	--

Таблица 3: пример анализа ассоциаций, т.е. определения тем внутри структуры этнокультурного стереотипа о русской женщине

Для такой классификации ассоциатов мы пользовались таблицей, которая помогала определить темы, повторяющиеся в ассоциациях (см. таблицы 3 и 4). Мы группировали каждую ассоциацию в одну из пяти групп: 1) ассоциации, составляющие ядро стереотипа; 2) ассоциации, присоединённые ассоциациям ядра стереотипа; 3) периферийные ассоциации; 4) идиосинкратические ассоциации, принадлежащие чётко выделенной теме; и 5) совсем идиосинкратические ассоциации. В первой группе находятся те ассоциации, которые составляют ядро стереотипа. У ассоциаций ядра не только самая высокая частота появления, а у них и самое большое количество лексем, которые присоединяются к ним, благодаря полному или частичному синонимическому отношению или более широкой тематической связи. Последние ассоциации принадлежат второй группе (т.е. ассоциациям, присоединённым первичным ассоциациям ядра стереотипа). В третью группу периферийных ассоциаций попали все ассоциации, которые появляются больше чем раза, но ни по частоте появления ни по значимым связям не составляют ядро стереотипа. Четвёртой группе принадлежат те однократные ассоциации, которые возможно присоединить чётко выделенном

тематическому блоку, несмотря на уникальность формы. Последняя группа создана из совсем уникальных, идиосинкратических ассоциаций.

В приложении настоящей работе находятся две таблицы. В первой таблице полученные ассоциации организованы в левом столбце по частоте появления, а те ассоциации, которые появились только один раз организованы в алфавитном порядке. В правом столбце находится этноним, который был словом-стимулом. Внизу в этой таблице находятся четыре цифры. Первая из них обозначает совокупное количество информантов. Вторая — количество различных ассоциаций на слово-стимул. Третья — количество нулевых ответов и последняя цифра обозначает количество идиосинкратических ассоциаций. Во второй таблице представлен наш последний анализ полученных ассоциаций, из которого мы интерпретировали содержание этнокультурного стереотипа о русских у носителей хорватского языка.

Важно подчеркнуть, что наше исследование не претендует быть репрезентативным для хорватской языковой картины мира. Для такой цели объем выборки информантов должен быть намного больше чем наш, и выборку опроса было бы нужно формировать репрезентативно. Несмотря на всё сказано, результаты можно учитывать как ориентиры при планировании будущих исследований высшего уровня (ср. Barčot 2018: 12).

riječ- -podražaj	asocijati koji sačinjavaju jezgru stereotipa	asocijati pridruženi jezgrenim asocijatima	periferni asocijati	ideosinkra- tični asocijati koji pripadaju jasno određenom tematskom bloku	u potpunosti ideosinkra- tični asocijati
Rus	rat (11)	ratnik; vojnici (4); vojska (3); vojnici		dezerter; maslinasta boja; puška; ratoboran;	

				tenk; trgovina oružjem	
	Slaven (5); Slav; brat Slaven		daleki rod; rod		

Таблица 4: пример анализа ассоциаций, т.е. определения тем внутри структуры этнокультурного стереотипа о русском

5. Анализ результатов, или *Кем являются русские мужчины и женщины в хорватской языковой картине мира?*

5.1. Вербальный этнокультурный стереотип о русской женщине у носителей хорватского языка

Вербальные ассоциации на слово *Ruskinja* раскрывают, что носители хорватского языка первично характеризуют русскую женщину через её внешний вид, через одежду и предметы, традиционно принадлежащие русской культуре (примеры таких ассоциаций: *šubara, pošnja, tradicionalna pošnja, marama, rubac, žena s maramom oko glave, folklor, ruske narodne pjesme...*). Ассоциации, которые составляют ядро этнокультурного стереотипа о русской — это *матрёшка (babuška, matrhoška)*, *блондинка (plaviša, plava, plavokosa...)* и большая группа ассоциаций, которые русскую женщину описывают, как красивую, и которой важно быть красивой и ухаживать за собой (*lijepa, lijepa žena, žena koja drži do sebe, manekenka, rasna žena...*).

Красота русской женщины в хорватской языковой картине мира образуется и с помощью одежды, чаще всего роскошной зимней одежды (*šubara, bunda, krzno, vuna, kaput*). Зима и холод тоже одна из частых ассоциаций. Кроме того, носители хорватского языка её воображают, как сильную женщину (*jaka, snažna, snažna žena, snaga, stoik, ponosna, gorda...*). Она почти в одинаковой степени и рабочая женщина (*radnica, emancipacija, socijalistički prikazi žena*) и богатая (*bogata, bogatašica, bogatstvo, novac*).

Интересно то, что из трёх упомянутых прецедентных имён, одно является фамилией президента Российской Федерации (*Putin*), одно — именем литературной героини (*Ana Karenjina*), а одно — именем собственным принцессы (*Anastazija*). Другие имена тоже появились, но только как однократные ассоциации (*Evgenia, Katarina, Katjuša, Natalia Vodianova, Natasha, Olga, Ruslana, Tamara, Tatjana*).

Несмотря на все упомянутые темы, нужно иметь в виду, что у даже 32 испытуемых первая ассоциация на слово *Ruskinja* было *žena*, у них ещё 10 ответ был вариант определения понятия *Ruskinja (žena iz Rusije, Ruskinja, žena iz Ruske Federacije, žena etnicitet, stanovnica Rusije)*, а ещё двое информантов не имело никакой ассоциации. Считая, что 44 информанта представляет почти 22% наших участников в опросе, получается, что у каждого пятого или четвёртого информанта совсем схематическое представление о русской женщине.

5.2. Вербальный этнокультурный стереотип о русском мужчине у носителей хорватского языка

Что касается хорватского этнокультурного стереотипа о русском мужчине, ядро стереотипа осталось одинаковым с тех пор, когда Барчот (Barčot 2018) проводила свой опрос. Носители хорватского языка в первую очередь русского видят, как человека, любящего водку и спиртное (ассоциации: *votka, vodka, pijanas, pijan, voli votku, alkohol, alkos*), а сразу после этой ассоциации в ядре находится вероятно самый знаменитый русский нашего века — президент Российской Федерации (*Putin*). Одна однократная ассоциация тоже намекает о Путине — *jedan je malo lud* — наверно как реакция на войну в Украине. В связи с этим, одно изменилось с времён исследования Барчот (Barčot 2018) — это присутствие войны как одной из трёх сильнейших тем внутри этнокультурного стереотипа о русском мужчине, так как целый ряд ассоциаций касается войны (*rat, ratnik, vojnik, vojska, vojnici, dezertar, maslinasta boja, puška, ratoboran, tenk, trgovina oružjem*).

Стереотип о русском мужчине делит некоторые частотные ассоциации со стереотипом о русской женщине, точнее частотные ассоциации на меховую ушанку (*šubara*), холод (*hladno, hladnoća*), светлые волосы (*plav, plava kosa*), но и силу, как достоинство русских людей (*jak, snaga, snažan čovjek, čeličenje, preživljavanje*). Интересно то, что одной из периферийных тем стереотипа о русском мужчине является русский акцент (*ruski naglasak, ruski naglasak engleskog govora, naglasak...*), а интересным является факт, что то же самое не является значимой темой для стереотипа о русской женщине. Носители хорватского языка также описывают русского мужчину, как высокого человека (*visok, golem, velik*), но русскую женщину не характеризуют таким способом (только одна однократная ассоциация описала русскую, как высокую женщину).

Кроме упомянутых тем, есть ещё две: литература и образ русского мужчины как жестокого человека. Для носителей хорватского языка, самыми яркими представителями русской литературы являются Ф. М. Достоевский (*Dostojevski, Fjodor, Karamazov, Raskoljnikov*) и Л. Н. Толстой (*Dostojevski i Tolstoj, Tolstoj, Vronski*), хотя между ассоциациями появилось и несколько других значимых имён и более широких понятий, связанных со сферой литературы (*realizam, Jesenjin, pisac, književnik, knjige, Dr Živago, debeli romani, Bulgakov, Čehov, Ilj i Petrov*). С другой стороны, несмотря на эту значимую связь русского мужчины с высокой культурой, по ассоциациям в последней

теме (*mafia, mafija, mafijaš, kriminalac, nasilnik, nasilan, stereotipni negativci u filmovima, tetovaže, patrijarhat, macho*) становится ясным, что носители хорватского языка русского мужчину также связывают и с миром преступлений и насилия.

6. Выводы

Ассоциативное исследование вербального этнокультурного стереотипа о русском мужчине и русской женщине у носителей хорватского языка показало, что гендерное определение этнонимов-стимулов приводит к разнице содержания этнокультурного стереотипа. Что касается русской женщины, оказывается, что носители хорватского языка её первично воображают как сильную красавицу, которая глубоко связана с русской народной культурой. Однако, у значительного количества информантов появились такие общие ассоциации, как напр. *žena* или *stanovnica Rusije*. Сопоставление этого с очень разнообразными и чёткими ассоциациями, которые у информантов появились на слово-стимул *Rus*, приводит к выводу, что на хорватской языковой картине мира русская женщина оказывается более односторонним персонажем и меньше знакомой хорватам, чем русский мужчина.

С другой стороны, если стереотипы сопоставлять по положительности, несмотря на односторонность стереотипа о русской женщине, он намного лучше, чем стереотип о русском мужчине. Носители хорватского языка русского мужчину представляют либо как пьяного, либо как связанного с одним или другим видом насилия (война или преступление в общем-то). Кроме того, факт, что Путин и война сильно повлияли на представление о русском мужчине, показывает, что стереотип о русском мужчине очень политизирован, в то время как политизация не является активным процессом для стереотипа о русской женщине.

В итоге, мало того изменилось в ядре представления о русских в хорватской языковой картине мира с 2018 года (ср. Barčot 2018).

Список литературы:

- Воробьёв, В. В. 2008. *Лингвокультурология: Монография*. Москва: РУДН.
- Ноженко, Е. В. 2006. *Лингвокультурология как методология изучения стереотипов национального характера*. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- Опарина, Е. О. 1999. *Язык и культура : Сборник обзоров*. Москва: ИНИОН РАН.
- Опарин, М. В. 2009. *Лингвокультурология и этнолингвистика как смежные науки о языке и культуре в российском и германском научных пространствах*. Альманах современной науки и образования, Тамбов: Грамота, №8 (1): 112-115.
- Панин, В. В. 2005. *Средства выражения этнических стереотипов в английском языке*. Политическая лингвистика: 208-212.
- Янмурзина, Р. Р. 2014. *Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия*. Вестник Башкирского университета. Т.19. №1: 126-128.
-
- Albertazzi, L. 2000. *Which semantics?*. U: Albertazzi, L. (ur.) *Meaning and cognition : a multidisciplinary approach*. John Benjamins Publishing Company: 1-24.
- Barčot, B. 2018. *Slaveni u jezičnoj slici svijeta govornika hrvatskog jezika (lingvokulturološka perspektiva)*. U: Botica, S. i sur. (ur.) *Hrvatski prilozi 16. Međunarodnom slavističkom kongresu : Beograd, 20. — 27. kolovoza 2018*. Hrvatsko filološko društvo (Zagreb): 9-19.
- Bulgakova, O. 2005. *The “Russian Vogue” in Europe and Hollywood: The Transformation of Russian Stereotypes through the 1920s*. The Russian Review (64): 211-235.
- Buljubašić, E. 2010. *Stereotip stranca u početničkim udžbenicima inojezičnog hrvatskog*. Časopis za hrvatske studije, Vol. 6: 253-267.
- Dragičević, R. 2005. *Verbalne asocijacije u semantičkim istraživanjima*. U: Piper, P., Dragičević, R., i Stefanović, M. (ur.) *Asocijativni rečnik srpskoga jezika (I deo; od stimulusa ka reakciji)*. Beogradska knjiga, Službeni list SCG, Filološki fakultet u Beogradu: 56-80.
- Dylman, A. S. i Zakrisson, I. 2023. *The effect of language and cultural context on the BIG-5 personality inventory in bilinguals*. Journal of Multilingual and Multicultural Development. DOI: 10.1080/01434632.2023.2186414.

- Fernández-Sanz, C., Romero-Rivas, C., i Rodríguez-Cuadrado, S. 2023. *Child, would you sacrifice yourself? A study on the Foreign Language Effect in children*. *Bilingualism: Language and Cognition*, 26(2), 446-455. DOI:10.1017/S1366728922000578
- Nikitina, L. 2017. *Stereotypes as an interdisciplinary construct: Implications for applied linguistics research*. *Suvremena lingvistika*, Vol. 43 (83): 1-19.
- Peressotti, F., Lorenzoni, A., i Miozzo, M. 2023. *Moral judgments in native, regional, and foreign languages*. *Bilingualism: Language and Cognition*, 1-10. DOI: 10.1017/S1366728923000342.
- Petrović, N. 2005. *Psihološke osnove pomirenja između Srba, Hrvata i Bošnjaka*. Beograd: Institut za psihologiju Filozofskog fakulteta.
- Piper, P. 2005. *O verbalnim asocijacijama, njihovom proučavanju i leksikografskom opisu*. U: Piper, P., Dragičević, R., i Stefanović, M. (ur.) *Asocijativni rečnik srpskoga jezika (Ideo; od stimulusa ka reakciji)*. Beogradska knjiga, Službeni list SCG, Filološki fakultet u Beogradu: 7-22.
- Piper, P., Dragičević, R., i Stefanović, M. (ur.). 2005. *Asocijativni rečnik srpskoga jezika (Ideo; od stimulusa ka reakciji)*. Beograd: Beogradska knjiga, Službeni list SCG, Filološki fakultet u Beogradu.
- Putnam, H. 1975. *The meaning of 'meaning'*. U: Putnam, H. (ur.) *Mind, Language and Reality, Philosophical Papers, vol. 2*. Cambridge University Press: 215-271.
- Realo, A. i sur. 2009. *Mechanisms of the National Character Stereotype: How People in Six Neighbouring Countries of Russia Describe Themselves and the Typical Russian*. *European Journal of Personality* (23): 229-249.
- Saldaña, J. 2009. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC: Sage Publications.
- Skoko, B. 2010. *Što Bošnjaci, Hrvati i Srbi misle jedni o drugima?*. *Političke analize: tromjesečnik za hrvatsku i međunarodnu politiku*, Vol. 1 (4): 16-20.

Sadržaj

U ovom se radu predstavlja asocijativno istraživanje etničkih heterostereotipa o Rusima i Ruskinjama kod izvornih govornika hrvatskog jezika. Ciljevi rada bili su identificirati asocijacije koje pripadaju jezgri stereotipa o Rusima u hrvatskoj jezičnoj karti svijeta, kao i doznati rezultira li rodna razlika etnonima (*Rus*, *Ruskinja*) razlikom u sadržaju etnokulturnog stereotipa. U teorijskom dijelu rada iznosi se povijesni pregled asocijativnih istraživanja unutar lingvistike te značaj kognitivne lingvistike i lingvokulturologije za razvoj takvih istraživanja u novije vrijeme. Poglavlje o metodologiji razjašnjava postupak prikupljanja i kodiranja podataka, dok dva aneksa radu prikazuju sve prikupljene i tematski kodirane asocijacije čime se omogućava detaljniji pogled u proces analize podataka od fokusa na jezgre heterostereotipa u poglavlju o rezultatima.

Ključne riječi: stereotipi, etnički stereotipi, lingvokulturologija, asocijacije, jezična karta svijeta, Rus, Ruskinja

Приложение 1

Ruskinja	Babuška / babushka / matrjoška 33 , žena 32 , plavuša / plava / plava kosa / plavokosa / plave kose / plava žena 29 , lijepa / ljepota / lijepa žena / ljepotica / lijepo žene / lipa ženska / lijepo 27 , šubara 17 , Rusija / majka Rusija / mother Russia 12 , žena iz Rusije / Ruskinja / žena iz Ruske Federacije / žena etnicitet / stanovnica Rusije 10 , Putin 9 , Ana Karenjina / Karenjina 8 , jaka / snažna / snažna žena / jaka žena / snaga 8 , hladno 7 , Moskva 7 , Rus 7 , plave oči 6 , nošnja / narodna nošnja / tradicionalne nošnje / tradicionalna nošnja 6 , balerina / balet 5 , bogata / bogatstvo / bogatašica / novac 5 , marama / marama na ženskoj glavi / rubac / žena s maramom oko glave 5 , rat 5 , Slavenka / sestra slavenska / Slaven / Slaveni 5 , Anastazija 4 , crveno 4 ,
----------	---

	<p>votka 4,</p> <p>zgodna / zgodna žena 4,</p> <p>bunda 3,</p> <p>hladna 3,</p> <p>smijeh / smijeh kroz suze / smiješak 3,</p> <p>svijetla / svijetla put 3,</p> <p>zima 3,</p> <p>žena koja drži do sebe / žena koja drži do sebe (estetski) 3,</p> <p>boršč 2,</p> <p>gorđa / ponosna 2,</p> <p>Kazačok 2,</p> <p>kič 2,</p> <p>nacionalnost 2,</p> <p>Pruska / Pruskinja 2,</p> <p>radnica 2,</p> <p>rumena / rumeni obrazi 2,</p> <p>selo 2,</p> <p>snijeg 2,</p> <p>stoicizam / stoik 2,</p> <p>stranac / strana 2,</p> <p>Ukrajinka / Ukrajina 2,</p> <p>visoka 2,</p> <p>adidas,</p> <p>Ana,</p> <p>Ana Pavlova,</p> <p>avangarda,</p> <p>baćuška,</p> <p>bjelkinja,</p> <p>blijed,</p> <p>brižna,</p> <p>buhšla,</p> <p>cigareta,</p>
--	---

	<p>cimerica, crvena, crveni ruž, cura, daleko, dobra, egzotična, emancipacija, Eurovizija, Evgenia, fileri u usnama, folklor, glazbeno nadarena, godine, gospođa, gušter, haljina, hladna vatra, hrana, izbjeglica, iz mog djetinjstva sjećanja, jadna, je krave pasla, jezik, kaljinka, kapa, kaput, Katarina, kategorija, Katjuša, književni lik, književnost, kovrčava kosa,</p>
--	---

	<p>Kremlj, krzno, kultura, Lara Antipova, ledeni strah, lijepi obrazi, lukava, Lula, manekenka, Maria Sharapova, mater, Maša iz crtića, mašina za šivanje, mekana, mlada, moja baba Olga, moja prijateljica, na livadi, Natalia Vodianova, Natasha, nekad vikinzi, Neva, obgrljena, odrješitost, Olga, oligarh, opasna, oštra žena, plavo, plavo crveno, plavuša mladolikog izgleda u poodmaklim godinama, ples,</p>
--	--

	<p>pletenice, poledance, ponuda, prijateljstvo, profinjena, Pussy Riot, putovanje, putovanje, pušenje, rasna žena, ros, ruska kapa, ruske narodne pjesme, Ruslana, Saint Petersburg, slatka, slično, snažni naglasak, socijalistički prikazi žena, spretna, srdačna, stav, stereotip, stolnjak, strogoća, studij, Svjetlana, kako sam od nje čuo pravi okruglasti ruski "o", šči, širina, štikle, tajnovita, Tamara,</p>
--	--

	<p>tata, Tatjana, teta Jelena, tuga, turizam, uloga, umjetničko klizanje, u potrazi, velika, voda, vrijedna, vuna, vunena kapa, Živago, žena od mog rođaka, žena s puno botoksa 1; 203 + 169 + 2 + 126</p>
Rus	<p>votka / vodka 30, Putin 29, šubara / šubare 12, rat 11, Rusija 9, hladno / hladnoća 9, visok 8, vojnici / vojnici / vojska 8, muškarac / muško 7, brat Slaven / Slaven / Slav 7, jak 6, Ruskinja 6, Dostojevski / Fjodor 5, golem / velik 5, pijanac / alkos / pijan 6,</p>

	<p>plav / plava kosa 5,</p> <p>ruski naglasak / “ruski naglasak” / ruski naglasak engleskog govora / naglasak 5,</p> <p>snijeg 5,</p> <p>zima 5,</p> <p>bogat 4,</p> <p>bus 4,</p> <p>čovjek 4,</p> <p>državljanin iz Rusije / muškarac iz Rusije / stanovnik Rusije / građanin Ruske Federacije 4,</p> <p>glasan / glasno 4,</p> <p>strog / strogost 4,</p> <p>trenerka / tracksuit / adidas / adidas tuta 4,</p> <p>brada 3,</p> <p>brkat / brkovi 3,</p> <p>hladan 3,</p> <p>mafia / mafija / mafijaš 3,</p> <p>Moskva 3,</p> <p>nacionalnost / narodnost 3,</p> <p>oligarh / oligarsi 3,</p> <p>ples 3,</p> <p>Sibir 3,</p> <p>snaga / snažan čovjek 3,</p> <p>svijetli čovjek / bijeli muškarac / blijed 3,</p> <p>tvrdća / tvrd čovjek / čvrst 3,</p> <p>crven 2,</p> <p>crveno / crvena 2,</p> <p>daleki rod / rod 2,</p> <p>Jesenjin 2,</p> <p>Kazaćok / Kazančok 2,</p> <p>ljut 2,</p> <p>mrgud / mrk 2,</p>
--	---

	<p>nasilnik / nasilan 2, patrijarhat 2, rakija 2, Rasputin 2, realizam 2, restoran? / restoran 2, tetovaže 2, alkohol, Amer, arhitektura, astronaut, autoritaran, bahatost, baletan, Barašnjikov, Baćuška, bijelo, bol, Boris, Bulgakov, cigareta, cikla, ćelav, Čehov, čeličenje, čokolada, debeli romani, dezerter, diskriminiran, Dmitri, domovina, Dostojevski i Tolstoj, Dr Živago,</p>
--	--

	država, dubok, dvoglavi orao, energija, entitet, fatalizam, frend, fuš, Gagarin, gas, gopnik, Hej ruse kose curo imaš..., hladne uši, hladnoća kao štit, Hrvat, Hrvat, Srbin, Poljak..., hrvatski otoci, ideološki opterećen, igra odbojku, Ilj i Petrov, istok, Ivan, izbjeglica, jadan, jaja, jači znojan muškarac, jedan je malo lud, Jelcinj, je poslušan, Karamazov, klizanje, knjige, književnik,
--	---

	komunizam, komunjara, korupcija, krasno pjeva, kriminalac, kruh, kultura, lip, macho, male oči, maslinasta boja, minus i plus, molitva, muškarac oštih crta lica, nacija, nadimak, namjera, navijači, načitan, neki tip ruskog govornog područja, obrazovan, okorjeli, Oktobarska revolucija, opozicija, osoba, otpor, ozbiljan, patka, pisac, pjevač, povučen, predivna konstrukcija rečenica, previše,
--	--

	preživljavanje, prljav, propaganda, putovanje, puška, Rahmanjinov, Raskoljnikov, raspad, ratnik, ratoboran, razuzdan, ruska himna, ruska škola, ružan, sam, sauna, spretnost, Srb, srušen (Rusija - srušeni, prazni svijet), Staljin, stereotip, stereotipni negativci u filmovima, stran, širina, špaline, špijun, šutljiv, tenk, toplo, tradicionalno, tragedija, trgovina oružjem, turist,
--	---

	tuš, Ukrajinc, uloga, Valja, velika zemlja, Vladimir, vlak, voli votku, vrela krv, Vronski, Walrus, zagonetnost, zanimljiv, zemlja, Zenit, zgodan, zlatni nakit, znanstvenik, živahan, željezna zavjesa 1; 203 + 198 + 0 + 146
--	---

Приложение 2

riječ- -podražaj	asocijati koji sačinjavaju jezgru stereotipa	asocijati pridruženi jezgrenim asocijatima	periferni asocijati	idiosinkra- tični asocijati koji pripadaju jasno određenom tematskom bloku	u potpunosti idiosinkra- tični asocijati
Ruskinja	žena (32)	žena iz Rusije (6); Ruskinja; žena iz Ruske Federacije; žena etnicitet; stanovnica Rusije; cura	nacionalnost (2)		
	Babuška (33); matrjoška				
	lijepa (11); lijepa žena (4); ljepotica; lijepe žene; lipa ženska	ljepota (6); zgodna (3); žena koja drži do sebe / žena koja drži do sebe (estetski) (2);	visoka (2)	manekenka; Natalia Vodianova; fileri u usnama; crveni ruž; štikle; žena s	

		lijepo; zgodna žena		puno botoksa; rumena; rumeni obrazi; lijepi obrazi; profinjena; rasna žena; gospođa	
	plavuša (13); plava (8); plava kosa (3); plavokosa (2); plava žena (2); plave kose			plavuša mladolikog izgleda u poodmaklim godinama	
	šubara (17)		bunda (3)	ruska kapa; vunena kapa; kapa; krzno; vuna; haljina; kaput	
			Rusija (9); majka Rusija (2); mother Russia		
			hladno (7); hladna (3); zima (3); snijeg (2)	hladna vatra; ledeni strah	

			Putin (9)	Kremlj	
			jaka (3); snažna (2); snažna žena; jaka žena; snaga	stoicizam; stoik; ponosna; gorda	brižna; dobra; egzotična; glazbeno nadarena; jadna; lukava; mekana; odrješitost; opasna; oštra žena; slatka; spretna; srdačna; strogoća; tajnovita; vrijedna
			Ana Karenjina (6); Karenjina (2); Ana	književni lik; književnost; Lara Antipova; Živago	
			Rus (7)		
			Moskva (7)		
			nošnja (3); narodna nošnja; tradicionalne nošnje; tradicionalna	folklor; ruske narodne pjesme	

			nošnja		
			rat (5)		
			balerina (4); balet	Ana Pavlova	
			crveno (4); crvena		
			Anastazija (4)		
			svijetla (2); svijetla put	bjelkinja; blijed	
			votka (4)		
			marama (2); rubac	marama na ženskoj glavi; žena s maramom oko glave	
			Slavenka (2)	sestra slavenska; Slaven; Slaveni	
			bogata (2); bogatašica	bogatstvo; novac	
			radnica (2)	emancipacija ; socijalistički prikazi žena	
			boršč (2)	šči; hrana	

			Kazačok (2)		
			selo (2)		
			kič (2)		
			putovanje (2)		
			<i>bez asocijacije</i> (2)		
				iz mog djetinjstva sjećanja; Svjetlana, kako sam od nje čuo pravi okruglasti ruski "o"; žena od mog rodaka; teta Jelena; moja baba Olga; moja prijateljica; cimerica; tata; mater	
				Katarina; Ruslana; Tamara; Tatjana; Evgenia; Katjuša;	

				Natasha; Olga	
				smijeh kroz suze; smijeh; smiješak	
				jezik; snažni naglasak	
				stranac; strana	
				Ukrajinka; Ukrajina	
				Pruska; Pruskinja	
				cigareta; pušenje	
					adidas; avangarda; baćuška; buhtla; daleko; Eurovizija; godine; gušter; izbjeglica; je krave pasla; kaljinka; kategorija; kovrčava kosa;

					<p>kultura; Lula; Maria Sharapova; Maša iz crtića; mašina za šivanje; mlada; na livadi; nekad vikinzi; Neva; obgrljena; oligarh; plavo; plavo crveno; ples; pletenice; poedance; ponuda; prijateljstvo; Pussy Riot; ros; Saint Petersburg; slično; stav; stereotip; stolnjak; studij; širina; tuga; turizam; uloga; umjetničko klizanje; u potrazi; velika; voda</p>
--	--	--	--	--	--

riječ- -podražaj	asocijati koji sačinjavaju jezgru stereotipa	asocijati pridruženi jezgrenim asocijatima	periferni asocijati	idiosinkra- tični asocijati koji pripadaju jasno određenom tematskom bloku	u potpunosti idiosinkra- tični asocijati
Rus	votka (15); vodka (15)	pijanac (3); pijan (2); voli votku; alkohol; alkos		rakija (2)	
	Putin (29)			jedan je malo lud	
	rat (11)	ratnik; vojnici (4); vojska (3); vojnici		dezerter; trgovina oružjem; maslinasta boja; tenk; puška; ratoboran	
	šubara (11); šubare				
			Rusija (9)		
			visok (8); velik (4); golem		

			jak (6); snaga (2); snažan čovjek	čeličenje; preživljavanje; bol	
			Slaven (5); Slav; brat Slaven	daleki rod; rod	
			muškarac (6); muško		
			Ruskinja (6)		
			hladno (5); hladnoća (4); zima (5); snijeg (5)	hladne uši	
			naglasak (2); ruski naglasak engleskog govora; “ruski naglasak”; ruski naglasak		
			Dostojevski (4); Fjodor; Dostojevski i Tolstoj; Tolstoj (3)	realizam (2); Karamazov; Raskoljnikov ; Vronski	
			plav (4);		

			plava kosa		
			čovjek (4)		
			državljanin iz Rusije; muškarac iz Rusije; stanovnik Rusije; građanin Ruske Federacije; nacionalnost (2); narodnost		
			bogat (4); oligarh (2); oligarsi	zlatni nakit	
			bus (4)		
			hladan (3)		
			strog (3); strogost	mrk; mrgud; ozbiljan	
			Sibir (3)		
			Moskva (3)		
			crven (2); crveno; crvena		
				trenerka;	

				adidas tuta; tracksuit; adidas; gopnik	
			glasani (3); glasno		
			brada (3)		
			ples (3)		
			brkovi (2); brkat		
				mafia; mafija; mafijaš; kriminalac; nasilnik; nasilan; stereotipni negativci u filmovima	
				tvrdća; čvrst; tvrd čovjek	
			Rasputin (2)		
			tetovaže (2)		
			ljut (2)		
			jezik (2)		
			Jesenjin (2)		

			patrijarhat (2)	macho	
			Kazaćok; Kazančok		
			restoran?; restoran		
				svijetli čovjek; bijeli muškarac; blijed	
				Oktobarska revolucija; komunjara; komunizam; željezna zavjesa; Staljin; Jelcinj	
				Ivan; Dmitri; Valja; Boris; Vladimir	
				propaganda; opozicija; korupcija; autoritaran; ideološki opterećen	
				Hrvat, Srbin, Poljak...;	

				Hrvat; Srb	
				dvoglavi orao; ruska himna	
				obrazovan; načitan	
				Zenit; navijači	
				baletan; Barašnjikov	
				astronaut; Gagarin	
				Amer; arhitektura; bahatost; Baćuška; bijelo; cigareta; cikla; ćelav; čokolada; diskriminira n; domovina; država; dubok; energija; entitet; fatalizam; frend; fuš; gas; Hej ruse	

					<p> kose curo imaš...; hrvatski otoci; igra odbojku; istok; izbjeglica; jadan; jaja; jači znojan muškarac; je poslušan; klizanje; krasno pjeva; kruh; kultura; lip; male oči; minus i plus; molitva; muškarac oštrih crta lica; nacija; nadimak; namjera; neki tip ruskog govornog područja; okorjeli; osoba; otpor; patka; pjevač; povučen; predivna </p>
--	--	--	--	--	--

					konstrukcija rečenica; previše; prljav; putovanje; Rahmanjino v; raspad; razuzdan; ruska škola; ružan; sam; sauna; spretnost; srušen (Rusija - srušeni, prazni svijet); stereotip; stran; širina; špaline; špijun; šutljiv; toplo; tradicionalno ; tragedija; turist; tuš; Ukrajina; uloga; velika zemlja; vlak; vrela krv; Walrus; zagonetnost; zanimljiv; zemlja
--	--	--	--	--	--

Životopis

Maja Osmančević rođena je 1998. godine u Splitu. Nakon završetka srednjoškolskog obrazovanja u Prvoj jezičnoj gimnaziji u Splitu, 2017. godine upisuje dvopredmetni studij sociologije i ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu. Ljetni semestar akademske godine 2020./2021. provela je na Sveučilištu u Vilniusu kao Erasmus+ stipendistica. Suosnivačica je dvije studentske inicijative (Studenti za izbjeglice, Zeleni Filozofski) i organizatorica brojnih javnih tribina na temu solidarnosti s ljudima u pokretu. Njezin dosadašnji istraživački rad se fokusira na teme nacionalnih identiteta i odnosa migracija i kapitalističkog sustava proizvodnje.